

Долганев Е. Е. Современная Абиссиния: Общественный строй, занятия, образ жизни и нравы. (Из рассказов туземца) // Богословский вестник 1896. Т. 1. № 3. С. 437–451 (3-я пагин.). (Продолжение.)

СОВРЕМЕННАЯ АБИССИНІЯ 1).

Монашество и монастыри.

(Изъ рассказовъ туземца).

Дѣвственные лѣса Абиссиніи, живописно раскинутые то въ долинахъ, то на вершинахъ и откосахъ горъ, богатые древесными плодами и дичью, обильные водою, протекающею по почвѣ въ видѣ ручьевъ, или прорывающеюся изъ нѣдръ земли фонтанами ключей, — справедливо считаются одними изъ лучшихъ въ мірѣ. Въ темной гущѣ ихъ водятся во множествѣ звѣри самыхъ разнообразныхъ породъ. Тутъ бродятъ цѣлыми стадами слоны, прыгаютъ съ дерева на дерево крикливыя обезьяны, рыскаютъ, ища добычу, львы, барсы, леопарды, пантеры. На верхушкахъ деревъ порхаютъ многочисленныя породы пернатыхъ и между ними повсюду множество пѣвчихъ птицъ, самыхъ пѣвучихъ, которыя гремятъ здѣсь сотнями и тысячами голосовъ, не смолкая и въ мрачную прохладу ночи, и особенно предъ восходомъ утренней зари. И какъ бы въ диссонансъ этому дивному концерту шипятъ, ползая между деревъ, громадные змѣи:—тутъ и удавъ катится клубомъ и боа несется, какъ вихрь, высоко поднявъ свою гордую голову...

Въ этихъ самыхъ лѣсахъ, такъ богатыхъ своею природою, въ самыхъ чащахъ лѣсовъ—между деревъ пріютились абиссинскіе монастыри. Это произошло не случайно, а оттого, что первые насадители монашества въ Абиссиніи, ища уединенія, скрывались въ лѣсахъ. Тутъ съ своими учениками они основывали монастыри; и ихъ ученики и ученики учениковъ и т. д. не находили для монастырей лучшаго

1) См. Богословскій Вѣстникъ Январь.

мѣста, чѣмъ лѣса и рощи. Сложилась даже абиссинская поговорка: мемгырь (игумень) безъ бороды, что гедамъ (монастырь) безъ лѣса.

Монашество проникло въ Абиссинію вслѣдъ за христіанствомъ. Въ Абиссиніи есть преданіе объ „аскемѣ“ (аскема—слово греческое: *σχιμα*—одежда), что она была принесена св. Антонію Архангеломъ Михаиломъ и затѣмъ отъ Антонія перешла къ преемникамъ его. Въ абиссинскихъ лѣтописяхъ разсказывается, что по приглашенію перваго епископа ея Фрументія, пришли въ Абиссинію изъ Египта девять славныхъ подвижниковъ, учениковъ св. Пахомія. Указываются и имена ихъ, именно: 1) абба Арегауй, 2) Панталеонъ, 3) Гарима, 4) Алэфъ, 5) Сагамъ, 6) Афэ, 7) Ликаносъ, 8) Адимати и 9) Озь или Губа. Всѣ они были родомъ греки. Перечисленные имена даны были имъ абиссинцами взамѣнъ греческихъ. Съ этими именами мужи эти воспѣваются въ абиссинскихъ церковныхъ пѣсняхъ.

Всѣ девять мужей, прійдя въ Абиссинію, основали здѣсь въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно на лѣсистыхъ высотахъ горъ, свои монастыри. Отъ положенія монастырей на горахъ ихъ стали называть дэбрами (дэбрь—гора). Первый изъ девяти мужей Авуна-Арегауй поселился въ Тигре, гдѣ на одной высокой обрывистой горѣ основалъ монастырь, называемый Дэбрэ-Дамо (гора Дамо). Это первый эіопскій монастырь. Около 630 г. одинъ изъ отдаленныхъ преемниковъ аббы Арегауя Тэклэ-Хайманотъ перешелъ изъ Тигре въ Шоа. Поселившись здѣсь на одной высокой горѣ, онъ основалъ на ней знаменитый монастырь, называемый Дэбрэ-Либаносъ (гора Ливанская). Монастырь этотъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ въ Абиссиніи. Самъ Тэклэ-Хайманотъ былъ организаторомъ абиссинскаго монашества и оставилъ своимъ ученикамъ писанныя правила и наставленія въ монашеской жизни. Онъ же первый опредѣлилъ права и значеніе игумена (аббата) монастыря и самъ назначилъ себѣ преемника, поручивъ ему надзоръ за братіей. Игумень этотъ получилъ названіе: эчаггэ или чаггэ. Съ теченіемъ времени званіе эчаггэ отдѣлилось отъ настоятеля Ливанскаго монастыря и перешло къ лицу, занявшему въ Абиссиніи положеніе помощника авуны—митрополита. Въ настоящее время настоятель Ливанскаго монастыря, какъ и у другихъ мона-

стырей; называется просто аббатомъ или мымгыремъ (наставникомъ). Но въ титулѣ нынѣшняго чаггэ остались признаки его прежняго положенія въ качествѣ игумена Ливанскаго монастыря. Полный титулъ чаггэ слѣдующій: „чаггэ (имярекъ), сѣдѣющій на каѣдрѣ Тэклэ-Хаймоната, сынъ и преемникъ святаго евангелиста Марка и святаго Сыллима ¹⁾, свѣта эіопскаго“. На чаггэйской печати обыкновенно стоятъ слова: „это печать чаггэ (имярекъ) первосвященника (ликакгайната)“. Отличія нынѣшняго чаггэ тѣ, что онъ всегда состоитъ на должности только при особѣ Царя царей, верховнаго, помазаннаго Владыки всей Абиссиніи, выбирается самимъ Царемъ, живетъ въ своемъ дворцѣ рядомъ съ негусомъ, окруженъ цѣлымъ штатомъ свѣтскихъ чиновниковъ, имѣетъ свою епархію (нагарить), свое войско, управляетъ наряду съ митрополитомъ церковными дѣлами Эіопіи и участвуетъ въ царскомъ судѣ ликаонта.

Кромѣ древнѣйшихъ монастырей, существующихъ нѣсколько вѣковъ, въ Абиссиніи есть много монастырей новооткрытыхъ, недавно устроенныхъ. Объ умноженіи монастырей особенно ревниво заботятся абиссинскіе негусы. Покойный негусъ Іоаннъ устроилъ много монастырей на свои средства и за это славятъ его народныя пѣсни. Но помимо стараній абиссинскихъ владыкъ монастыри возникаютъ тамъ и сами собою. Нерѣдко какой-нибудь извѣстный подвижникъ привлекаетъ къ себѣ многихъ, желающихъ подвизаться подъ его руководствомъ. Тогда по просьбѣ братій онъ ѣдетъ къ негусу, прося разрѣшенія построить монастырь. Царь даетъ свое согласіе, причемъ черезъ глашатаевъ приглашаетъ населеніе сосѣднихъ къ мѣсту открытія монастыря деревень помочь матеріаломъ и работой въ постройкѣ храма и зданій для монаховъ. Народъ съ любовью и усердіемъ беретъ на себя этотъ благочестивый трудъ: кто тащитъ бревна, кто собираетъ въ лѣсу хворостъ для крыши; свозятъ сообща камни, глину, песокъ. Способные берутся за дѣло, и быстро, благодаря усиліямъ и множеству рукъ, среди пущи лѣсной, гдѣ прежде рыскали звѣри, вырастаютъ прекрасныя зданія. Между тѣмъ призванный быть настоятелемъ сооружаемаго монастыря отправляется къ епископу—просить благословенія на игуменство и за получе-

¹⁾ Эіопское имя просвѣтителя Абиссиніи св. Фрументія.

ніемъ сана комоса—архимандрита. На одной и той же литургии онъ производится въ іеродіакона, въ іеромонаха, архимандрита и; наконецъ, получаетъ отъ епископа жезлъ правленія. На обезпеченіе монастыря самъ негусъ даритъ особый лучший участокъ среди своей царской земли. Этотъ участокъ, называемый гультомъ (достояніе) остается монастырю въ вѣчное владѣніе.

Въ Абиссиніи есть два типа монашества. Одинъ возводитъ свое образованіе къ св. Тэклэ-Хайманоту, основателю Шавасскаго монашества. Представителемъ этого типа является монастырь Дэбрэ-Либаносъ. Всѣ монастыри этого типа называются такъ: андынатъ-гедамъ, т. е. общежительные монастыри. Другой типъ монастырей, признающихъ своимъ устроителемъ св. Евстаѳіа (XIV в.), можно назвать скитскимъ. Этотъ типъ наиболѣе распространенъ.

Не смотря на множество монастырей, разбѣянныхъ по всей Абиссиніи, есть еще много лицъ, ведущихъ монашескую жизнь среди міра, внѣ монастырей. Они живутъ въ городахъ и селахъ, среди суеты мірской, но всякій смотря на ихъ жизнь, сразу узнаетъ, кто они. Ихъ называютъ монахами въ томъ же смыслѣ, какъ и тѣхъ, что живутъ въ монастыряхъ. При простотѣ и несложности строя жизни, господствующаго въ Абиссиніи, формальность и оффиціальныя отношенія тамъ отсутствуютъ. Безъ особенныхъ затрудненій всякій ревнитель строгой жизни, принявъ постриженіе отъ какого-нибудь старца, продолжаетъ себѣ жить на своемъ прежнемъ мѣстѣ и заниматься своимъ прежнимъ дѣломъ. Угодно ему, онъ сошьетъ себѣ монашескую одежду, а нѣтъ, то и такъ въ мірской ходи, сколько хочешь. Даже постриженіе не всѣ принимаютъ, а лишь немногіе, потому что этотъ обрядъ связанъ съ тяжкими обѣтами и клятвами. Что, если не устоишь, не исполнишь отъ начала до конца всего, обѣцаннаго Богу! Не лучше ли жить такъ, монашествовать, не давъ клятвы?—Такъ рассуждаетъ большинство. Оттого и переходъ отъ одного образа жизни къ другому тамъ незатрудненъ. Ни чуть не страннымъ считается, если кто изъ монаха опять становится міряниномъ. Напротивъ, грѣхомъ считается быть по внѣшности монахомъ и не жить по монашески. Такого человѣка презираютъ. И монахи монастырскіе и монахи, живущіе въ мірѣ, не всѣ при-

нимають постригъ. Это дѣло доброй воли. Выходить; что постригъ является тамъ какъ бы вторую уже ступенью монашества, а архимандритство—третьею. Между монахами постриженными и непостриженными во внѣшнихъ отношеніяхъ разница лишь та, что къ именамъ первыхъ прибавляютъ слово абба—отецъ. Самый постригъ въ монастыряхъ совершается довольно торжественно. Желаящаго постричься закутываютъ въ пелены, какъ мертвеца, и кладутъ во гробъ среди храма. Въ теченіе около двухъ часовъ надъ мнимымъ мертвецомъ монахами по очереди прочитывается вся псалтирь. Всякому мірянину открытъ свободный доступъ въ какой-угодно монастырь. Избравъ по желанію ту или другую обитель, онъ идетъ къ игумену ея, чтобы выразить свое желаніе: поселиться въ его обители подъ его началомъ и ввѣрить, такъ сказать, свою жизнь его опытному руководительству. Игумень даетъ свое согласіе и благословеніе, и новоприбывшій съ этого момента становится членомъ братіи монастыря. Онъ теперь долженъ уже подчиняться уставу и порядку жизни этого монастыря.

Въ необщежительныхъ монастыряхъ, или скитскихъ, называемыхъ по ависсински просто „гедамъ“ (монастырь) въ отличіе отъ „андынатъ-гедамъ“—названія, прилагаемаго къ монастырямъ общежительнаго типа, монахи пользуются полной свободой въ устроеніи своей частной, такъ сказать, келейной жизни. Око игумена не должно проникать за двери ихъ келій. Будучи предоставлены самимъ себѣ, такіе монахи принуждены на свои средства строить себѣ жилища и добывать пищу и одежду. Для жилищъ имъ предоставляется въ лѣсу, сколько угодно мѣста; каждый новопоступившій отгораживаетъ себѣ тутъ любой клочекъ земли, и трудами и заботами своихъ друзей и родныхъ готовитъ себѣ хижину. Впрочемъ, кто строитъ хижину, а кто и хорошій двухъ-этажный домъ,—это смотря по состоянію. Нѣкоторые, жившіе въ мірѣ богато, приводятъ съ собою въ монастырь всѣхъ своихъ слугъ, которые продолжаютъ и тутъ служить своимъ господамъ. А то бываетъ, что состоятельный монахъ приглашаетъ къ себѣ на услуженіе нѣсколько бѣднѣйшихъ монаховъ, которые не способны одни содержать себя и рады пойти на готовый хлѣбъ. Всякій состоятельный монахъ забираетъ съ собою въ монастырь все свое

имущество, пригоняетъ сюда свои стада быковъ, овецъ, воловъ, лошадей, муловъ, строить на своемъ дворѣ около дома служебныя постройки, какъ-то конюшни, загоны для скота, кухню, помѣщенія для слугъ и т. п., а вокругъ всего двора возводитъ высокую ограду въ предохраненіе себя и своего имущества отъ звѣрей и воровъ. Словомъ, богачъ и въ монастырѣ продолжаетъ жить помѣщикомъ, попивая каждый день любимый абиссинскій напитокъ тѣэдъ. Это лакомство считается въ Абиссиніи признакомъ роскоши и аристократизма. Вообще, нужно замѣтить, въ стѣнахъ абиссинскихъ обителей члены братіи вполне сохраняютъ достоинство и преимущества своего мірскаго званія и рода. Тутъ во всякомъ монастырѣ рѣзко различаются: монахи-аристократы и монахи-простецы, бѣдные, приниженные холопы. Въ распоряженіе богатаго монаха предоставляется какой-угодно клочекъ земли на монастырскомъ гультѣ. Шымъ-гульта, — начальникъ монастырскаго гульта, — распредѣляетъ землю между членами братіи, и, конечно, богачамъ онъ удѣляетъ лучшіе и большіе участки вмѣстѣ съ руками живущихъ на этихъ клочкахъ холоповъ, между тѣмъ какъ иному бѣдному монаху не достается и одной пяди земли. Впрочемъ, такъ какъ среди монастырскаго гульта бываетъ очень много гуляющей, не отданной на вспашку, земли, то бѣдняки пользуются этимъ, чтобы хоть и съ большими усиліями добыть себѣ скудное пропитаніе. Жалкій труженникъ вскапываетъ себѣ коломъ небольшой клочекъ земли и засѣваетъ его пшеницей; когда хлѣбъ поспѣетъ, онъ проситъ состоятельныхъ монаховъ смолотить ему этотъ хлѣбъ волами, а то и самъ молотитъ его цѣпомъ.

Въ основаніе раздѣла гульта между монахами обыкновенно берется число воловъ, имѣющихся въ распоряженіи каждаго. У кого одинъ волъ, тому дается половина мыхрама земли, въ расчетѣ, что онъ, войдя въ соглашеніе съ другимъ монахомъ, имѣющимъ тоже одного вола и получившимъ тоже полъмыхрама, будетъ имѣть возможность въ теченіи зимы обработать весь свой участокъ. Имѣющій пару воловъ получаетъ цѣлый мыхрамъ, имѣющій двѣ пары воловъ получаетъ два мыхрама и т. д. Но монахи собственно не работаютъ сами въ полѣ на своихъ участкахъ, а отдаютъ свои мыхрамы и своихъ воловъ монастырскимъ хо-

лопамъ, которые платятъ имъ за пользованіе земель и волами условленную часть вырученнаго въ жатву хлѣба. Каждый монахъ получаетъ хлѣбъ съ своего участка. Кромѣ участковъ, раздаваемыхъ въ распоряженіе монаховъ, среди монастырскаго гульты есть неприкосновенная часть земли, хлѣбъ съ которой идетъ въ пользу монастырской казны. Главное лицо, завѣдующее этою казною, есть алака—начальникъ (казначей). Въ подчиненіи ему состоитъ цѣлая толпа (особенно, если большой монастырь) низшихъ должностныхъ лицъ, завѣдующихъ разными отдѣльными отраслями монастырскаго хозяйства, на примѣръ, есть: магаветъэдъ, это—распорядитель виномъ, магаве-ынъгира—распорядитель хлѣбомъ и т. п. Есть также особыя лица, которымъ алака монастыря ввѣряетъ надзоръ за полевыми работами крестьянъ. Имъ приказывается слѣдить, чтобы положенная мѣра была отдана въ казну гедاما. Изъ полученнаго хлѣба алака велитъ часть оставить на храненіе въ монастырскихъ амбарахъ, а другую часть—поручить крестьянамъ для продажи на рынкѣ. Вырученное отъ продажи золото ссыпается въ гедамскомъ казнохранилищѣ.

Въ самомъ центрѣ каждаго монастыря помѣщается большое каменное, чаще всего двухъ-этажное зданіе, служащее какъ бы присутственнымъ мѣстомъ для всей монашеской общины. Въ этомъ зданіи, называемомъ бета-мыгавы, т. е. общій домъ, въ одномъ изъ отдѣленій его живетъ самъ алака. Тутъ же хранится монастырская казна. Часть зданія предназначается для пріема посѣтителей монастыря и лицъ, пріѣзжающихъ въ гости къ кому-либо изъ братіи. Всѣмъ этимъ людямъ монастырь всегда оказываетъ радушный пріемъ. Имъ предлагаются роскошное угощеніе и уютныя келіи для отдыха. Слуги умываютъ гостямъ ноги и прислуживаютъ имъ, не получая за это платы. Впрочемъ, удобствами гостинницы пользуются собственно только богомольцы и лица, не имѣющія никого знакомыхъ въ числѣ братіи. Монахи находятъ болѣе удобнымъ принимать своихъ частныхъ гостей у себя въ келіяхъ и угощать ихъ на свой счетъ; такъ какъ отводить гостей въ общій домъ и отдавать на попеченіе содержателей гостинницы было бы, конечно, не совсѣмъ вѣжливо со стороны хозяевъ.

Въ „общемъ домѣ“ находятся еще большой залъ, гдѣ про-

исходятъ засѣданія монастырскаго совѣта, и обширная столовая, приспособленная вмѣстимостью для всѣхъ монаховъ монастыря. Въ этой столовой общая трапеза предлагается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ именно: на Рождество Христово, на Пасху, въ день храмоваго монастырскаго праздника и когда случится таскаръ—заключительное поминовеніе кого-нибудь изъ умершихъ монаховъ. Въ остальное время всѣ монахи ѣдятъ по своимъ келіямъ. Все нужное для общей монашеской трапезы и для приѣма гостей изготавляется на средства монастырскаго казна. Для приготовления кушаній и напитковъ и храненія провіанта предназначаются особыя служебныя постройки: мукомольная, кухня, скотный дворъ, амбары, избы для слугъ и пр. Всѣ эти зданія расположены кругомъ „общаго дома“. А весь дворъ гостиницы со всѣхъ сторонъ огораживается крѣпкою высокою стѣною. Рядомъ съ дворомъ гостиницы находится обыкновенно дворъ игумена. Домъ игумена—это тоже прекрасное большое зданіе съ обширнымъ дворомъ, службами, пристройками и пр., огороженное высокимъ заборомъ. На подобіе этихъ зданій—только въ такой или иной степени подобія—устраиваютъ свои помѣщенія монахи. Каждый имѣетъ вокругъ своего дома дворъ и огородку. Такимъ образомъ въ общемъ видѣ монастыря довольно странный. Въ чащѣ лѣса разбросаны на далекомъ растояніи другъ отъ друга зданія разнообразной величины—отъ миниатюрной хижины до двухъ-этажнаго дома включительно. Около нѣкоторыхъ домиковъ ютятся маленькія служебныя постройки и вокругъ всего двора каждаго монаха—внушительная ограда. Такихъ кружковъ съ домиками внутри въ иномъ монастырѣ наберется до 300.

Скажемъ нѣсколько словъ о монастырскомъ совѣтѣ. Въ составъ его входятъ старѣйшіе и наиболѣе почтенные монахи, преимущественно архимандриты. Предсѣдатель совѣта самъ игуменъ (аббатъ). Въ рукахъ этого совѣта или синода („мыгавы“—букв. община, соборъ) сосредоточивается высшее управленіе монастыря. Его власть преимущественно судебная. Когда монахи затѣютъ между собою тяжбу, обращаются въ совѣтъ общины. Впрочемъ, въ этомъ совѣтѣ рѣшаются тяжельныя дѣла не только монаховъ, а и монастырскихъ холоповъ, т. е. крестьянъ, живущихъ на мона-

стырской землѣ. Засѣданія совѣта происходятъ раза два-три въ недѣлю. Утромъ въ день засѣданія всѣ члены собираются въ залѣ „общаго дома“. У передней стѣны на креслѣ садится игумень, а противъ него въ два ряда на полу разсаживаются архимандриты и старцы. Въ залѣ приводятся по очереди всѣ лица, имѣющія дѣло къ совѣту, въ сопровожденіи своихъ посредниковъ (данна) и конвойныхъ (курунн). Члены совѣта молча выслушиваютъ содержаніе дѣлъ каждаго просителя и жалобщика. Причемъ тутъ же въ присутствіи совѣта допрашиваются и свидѣтели. Когда данна кончитъ изложеніе дѣла, немедленно поднимается младшій изъ членовъ совѣта и, поклонившись игумену, сообщаетъ вслухъ свое мнѣніе; потомъ подымается второй и тоже говоритъ свое мнѣніе, затѣмъ третій и т. д.; по старшинству. Игумень же молча выслушиваетъ всѣхъ. Если мнѣнія распадаются только на двѣ категоріи, то перевѣшиваетъ то, съ которымъ большинство; но при разнообразіи мнѣній рѣшающій голосъ въ пользу того или другого изъ высказанныхъ мнѣній принадлежитъ игумену. Члены монастырскаго совѣта въ своихъ рѣшеніяхъ не руководствуются какими-либо писанными законами. Все зависитъ отъ мудрости и опытности судей. Обычное наказаніе для монаховъ, какъ и для мірянъ, „каса“—удовлетвореніе деньгами или имуществомъ; но иногда налагаются на виновныхъ и дисциплинарныя взысканія: укоръ, выговоръ, какое-нибудь тяжкое послушаніе,—самымъ тяжкимъ считается мукомольная работа, такъ какъ она сильно утомляетъ: приходится двигать рукою большой жерновъ. Крайнею мѣрою считается изгнаніе изъ монастыря. Такъ поступаютъ обыкновенно съ блудникомъ. Лица, недовольныя рѣшеніемъ монастырскаго совѣта, могутъ обращаться съ апелляціей къ чаггэ, или ныгусу. Абиссинскіе монастыри собственно не зависятъ отъ епархіальныхъ начальниковъ (ликакгайнаговъ). Послѣднихъ хотя и принимаютъ въ монастыряхъ съ почетомъ, но это дѣлаютъ изъ уваженія къ сану, а не по долгу зависимости. Ликакгайнагъ, совершающій ежегодную ревизію своей епархіи, не заглядываетъ въ монастыри: это не его дѣло.

Игумень каждаго абиссинскаго монастыря избирается голосомъ всей братіи. Это происходитъ довольно торжественно. По истеченіи сорокадневнаго траура по умершемъ

игуменъ, всѣ монахи монастыря собираются въ залѣ совѣта, а чаще всего прямо въ лѣсу подъ ароматнымъ сводомъ свѣжей листвы. Руководятъ собраніемъ старѣйшіе члены общины. Обыкновенно заранѣе уже намѣчается кандидатъ на игуменство, тогда требуется лишь согласіе на это братіи. Но, если, какъ это часто бываетъ, такихъ кандидатовъ выставляется два или три или болѣе, то тогда прибѣгаютъ къ жребію. Берутъ нѣсколько одинаковыхъ палочекъ по числу кандидатовъ и на каждой вырѣзываютъ значки, по которымъ условливаются, какая палочка кому изъ кандидатовъ принадлежитъ. Послѣ общей молитвы, палочки вручаются малому ребенку, приведенному на этотъ случай въ монастырь изъ ближайшаго села. Дитя, зажмури глаза, перевертываетъ палочки въ рукахъ.... Въ это время вся братія вслухъ—громко, какъ одинъ человѣкъ, молится Богу, что-бы Онъ руководилъ на этотъ разъ рукою ребенка.... Наконецъ, палочка вытянута.... Ребенокъ поднялъ ее въ правой рукѣ вверху—къ небу... Всѣ тихо, таинственно ждутъ, чье имя онъ произнесетъ.... Мальчикъ выкрикиваетъ имя избранника трижды... и вдругъ мгновенно вся братія окружаетъ того, чье имя произнесено. Всѣ падаютъ предъ нимъ на колѣни, умоляя со слезами, пріять жребій правленія. Избранникъ долго, съ горькимъ плачемъ отказывается, не хочетъ, но братія не перестаетъ его молить, и онъ, наконецъ, долженъ уступить просьбамъ. Но бываютъ случаи, что не устоявшій противъ просьбъ братіи избранникъ въ ту же ночь убѣгаетъ совсѣмъ изъ монастыря.

Новоизбранный игуменъ всегда ѣдетъ представляться епископу и получить отъ него благословеніе. Этотъ обычай соблюдается строго. Такъ какъ званіе игумена въ Абиссиніи нераздѣльно съ званіемъ архимандрита, то всякій, вновь избранный на игуменство, долженъ обязательно получить производство въ архимандриты; чаще же всего бываетъ, что избранникъ уже раньше имѣлъ этотъ санъ. Новоизбранный игуменъ монастыря, построеннаго ныгусомъ, обязанъ представляться и ныгусу.

Въ Абиссиніи визиты подчиненныхъ къ начальникамъ обязательно соединяются съ подношеніемъ подарковъ. И игуменъ, отправляясь къ епископу, или ныгусу, везетъ съ собою бочки съ медомъ, виномъ, воскомъ, масломъ, шерсть,

мѣха и пр. На подарки подобнаго рода собственно и изводятся богатства монастырской казны. На пріемѣ у епископа никакихъ справокъ о подлинности лица, назвавшаго себя игуменомъ, не бываетъ. Мы готовы думать, что, какъ у насъ, такъ и вездѣ, никакое официальное дѣло не обходится безъ документовъ, завѣрительныхъ грамотъ, свидѣтельствъ и т. п. Въ нашей головѣ не укладывается пониманіе такой формы отношеній, гдѣ все основано на взаимномъ довѣріи. А такая именно форма существуетъ въ Абиссиніи. Тамъ же господствуетъ еще и такой странный порядокъ. Кому хочется быть архимандритомъ, тотъ ѣдетъ къ архіерею и, по просьбѣ, получаетъ этотъ санъ совершенно безпрепятственно! Почему это? Потому, что на языкѣ абиссинцевъ искать высшаго священнаго званія не значитъ искать чести и славы и вообще пищи своему честолюбію, а напротивъ значитъ желать новыхъ священныхъ узъ и увеличенія своихъ подвиговъ. Полученіе высшаго званія связано тамъ съ даваніемъ тяжелыхъ обѣтовъ и произнесеніемъ страшныхъ клятвъ. Кто рѣшится въ такомъ случаѣ на повышение? Конечно тотъ, для кого служить Богу, лишивъ себя всего, единственная цѣль жизни. Дѣйствительно, абиссинскіе аскеты — это люди, жаждущіе духовныхъ подвиговъ, преданные своему призванію, а никакъ не искатели суетной славы. Далѣе. Въ Абиссиніи большую силу имѣетъ общественное мнѣніе. Оно преслѣдуетъ всякаго, кто не чистъ въ глазахъ совѣсти людской. Принятіе архимандритства человѣкомъ, недостойнымъ сего званія по жизни, было бы лишь поводомъ къ разнымъ насмѣшкамъ и презрѣнію со стороны всякаго по адресу недостойнаго восхитителя сана. Въ виду этого едвали кто посягнетъ на честь, ему непринадлежащую. Въ Абиссиніи народъ чтитъ не санъ самъ по себѣ, а строгость жизни; и вотъ всякій, рѣшившійся на повышение, чтится, какъ подвижникъ высшаго сорта, а не какъ сановникъ.

У насъ нѣтъ монашескаго званія, высшаго, чѣмъ архимандритство, а въ Абиссиніи есть, по названію „курсна“. Это совершеннѣйшій чинъ, считающійся вполне равнымъ ангельскому. Очень немногіе рѣшаются подъять на свои рамена иго сего званія. За то тѣ, кому удалось привести себя къ этой рѣшимости, принуждены бывать скрыватья

въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земли, чтобы уйти отъ преслѣдованій народа, жаждущаго не то, что обнять ноги подвижника, а хотя бы узрѣть его лице, отдохнуть очами на его кроткомъ образѣ.

Подобно скитскимъ монастырямъ, и всѣ общежительные имѣютъ и игуменовъ, и лицъ, завѣдующихъ казною, и цѣлый штатъ монастырскихъ чиновниковъ. Только внѣшняя форма жизни монаховъ здѣсь иная. Никому не позволено имѣть своего имущества. Жилища монаховъ однообразны. Различія между монахами изъ аристократовъ и простецами незамѣтно. Всѣ одинаково пользуются благами монастырскаго имущества. Гульть общежительнаго монастыря всецѣло отдается на обработку монастырскимъ холопамъ, и весь вырученный хлѣбъ поступаетъ въ распоряженіе монастырской казны. На каждого монаха налагается игуменомъ особое послушаніе. Всякій*обязанъ употреблять свой трудъ только для монастыря, а не для себя лично. Одинъ дѣлаетъ муку, другой собираетъ дрова, третій печетъ хлѣбы, четвертый шьетъ одежды, пятый мостъ бѣлье и т. д. Только слесарное мастерство не входитъ въ кругъ монастырскихъ работъ, такъ какъ оно считается для всякаго абиссинца постыднымъ и составляетъ занятіе особаго сословія тавивовъ... Съ ранняго утра всѣ монахи выходятъ на свои работы. Инструменты и матеріалъ выдаются монахамъ только на время работъ, и по окончаніи ихъ должны быть обратно возвращены тому, кто ихъ выдаетъ. Строгость доходитъ до того, что не позволено оставить у себя даже иголки. Всѣ монахи общежительнаго монастыря ѣдятъ въ общей трапезѣ. Тутъ соблюдается строгая тишина; каждый долженъ ѣсть молча. Даже прислуживающіе у стола говорятъ шопотомъ.

При каждомъ монастырѣ долженъ быть храмъ. На нужды и благоуукрашеніе его идетъ часть монастырской казны. Славу каждого абиссинскаго монастыря составляетъ церковный хоръ, такъ какъ абиссинцы очень любятъ пѣніе. Для процвѣтанія этого искусства, имѣющаго широкое приращеніе въ церковныхъ службахъ, употребляются всѣ лучшія силы монастырей. Каждый монастырь силится превзойти своимъ хоромъ всѣ хоры прочихъ монастырей. Соревнованіе въ этомъ отношеніи доходитъ до необыкновен-

ныхъ размѣровъ. Отсюда понятно, почему въ Абиссиніи принято по достоинству хора судить о значеніи и достоинствѣ самого монастыря. Такъ и бываетъ: чѣмъ лучше и многочисленнее монастырь, тѣмъ лучше и многочислѣнѣе у него и хоръ.

Причтъ монастырскаго храма (іеромонахи и іеродіаконы) образовывается изъ способныхъ къ священнослуженію членовъ братіи, способныхъ въ смыслѣ умѣнія читать и пѣть и обладанія голосомъ. Къ сожалѣнію, въ то время, какъ хоръ за свои успѣхи увѣнчивается лаврами народныхъ симпатій, выражаемыхъ перѣдко въ самомъ храмѣ вѣлухъ, чередные священнослужители у народа на плохомъ счету. Въ числѣ братіи найдется не мало лицъ, имѣющихъ священный санъ. Таковы прежде всего—алака, всѣ архимандриты и самъ игуменъ. Но, нужно замѣтить, священная степень у этихъ лицъ существуетъ лишь какъ достоинство, а не какъ служебное положеніе. Они не участвуютъ въ чредѣ священнослуженія, избѣгая его всѣми силами, такъ какъ служащій часто литургію, какъ извѣстно, считается въ глазахъ абиссинцевъ человѣкомъ не высокаго образа мыслей. Истинно благочестивый человѣкъ, думаетъ абиссинскій народъ, не рѣшится часто приступать къ совершенію великаго таинства. Отсюда имѣющая порицательный характеръ кличка, данная участвующимъ въ чредѣ священнослужителямъ: „самонапя“—недѣльствующій или недѣльникъ, т. е. служащій всю недѣлю. Духовныя лица, занимающія высокое положеніе въ абиссинской церкви, имѣя священныя степени, почти никогда не служатъ литургіи и вообще не участвуютъ въ священнослуженіи. Они имѣютъ священный санъ и въ тоже время, какъ будто и не имѣютъ его, т. е. за ними остается одно лишь достоинство священнаго званія, кромѣ всего прочаго. Даже названія священникъ, іеромонахъ, діаконъ никогда не прилагаются къ именамъ и титуламъ духовныхъ лицъ высокаго званія, имѣющихъ эти степени. Священниками, діаконами называютъ только лицъ, стоющихъ у чреды служенія.

Не во всѣхъ монастыряхъ богослуженіе совершается каждодневно. Что касается монаховъ, не участвующихъ въ церковномъ хорѣ, то они ходятъ на богослуженіе только по воскресеньямъ и праздникамъ, хотя и это считается для

нихъ необязательнымъ. Всякій монахъ можетъ предаваться молитвенному подвигу у себя въ келіѣ. Къ особенностямъ монастырской службы относится ея продолжительность, зависящая отъ растянутаго пѣнія и отъ нѣкоторыхъ вставокъ, не бываемыхъ въ службахъ приходскихъ храмовъ. Такъ, напримѣръ, на саасатѣ (служба часовъ) въ монастыряхъ кромѣ чтеній изъ книгъ „Чудеса Іисуса“ и „Чудеса Маріи“ бываетъ еще чтеніе житія дневнаго святаго и пѣніе ему хвалебныхъ гимновъ, называемыхъ „Мелькаа (букв.—видъ, красота).

Абиссинскіе монастыри большею частію являются центрами не только религіозно-нравственной жизни народа, а и духовнаго просвѣщенія. Большинство абиссинскихъ школъ ютятся при монастыряхъ, такъ какъ въ числѣ монаховъ часто попадаются мемгыры, люди образованные, начитанные, жаждущіе сообщать свои знанія всякому, пуждающемуся въ просвѣщеніи. Къ нимъ стекаются ученики изъ окрестныхъ мѣстъ. Въ монастырѣ, гдѣ есть мемгыръ (учитель), образуется форменная школа. На счетъ монастыря устраивается училищное зданіе—этамарибетъ, въ которомъ происходятъ занятія въ періодъ дождей, такъ какъ въ благоприятную погоду преподаваніе обыкновенно ведется на открытомъ воздухѣ. О пищѣ и одеждѣ заботятся для себя уже сами ученики. Вокругъ этамарибета они воздвигаютъ свои небольшія хижинки, въ которыхъ живутъ по два-по три человѣка; тутъ они спятъ и готовятъ себѣ пищу. Нѣкоторые монастыри имѣютъ у себя школы всѣхъ наименованій, какъ то: нъвавъ (грамоты), мадгавъ (Св. Писанія), ликаонта (св. отецъ), дуга (пѣнія), к'не (стихотворства) и кыдасси (литургическую). Встрѣчаются мемгыры, обладающіе знаніемъ курсовъ всѣхъ школъ. Это люди, владѣющіе чудовищною памятью, такъ какъ способны выслушивать одновременно отвѣты четырехъ-пяти человѣкъ по разнымъ отраслямъ знанія, не пропуская мимо ушей ни одной ошибки.

Какой-либо общій монашескій уставъ неизвѣстенъ абиссинскимъ монахамъ. Въ скитскихъ монастыряхъ каждый устраиваетъ свою частную жизнь по своему идеалу, а въ общежительныхъ—монахи подчиняются уставу и порядкамъ того монастыря, въ которомъ живутъ. Вообще же

абиссинцы не терпят узких рамокъ, которыми опредѣлялась бы ихъ жизнь. Ихъ живой, подвижной духъ ищетъ простора для свободнаго подвига, пристокающаго отъ сердца, отъ внутренняго настроенія. Они идутъ въ монастыри не съ тѣмъ, чтобы всецѣло отдать себя и всю свою жизнь до мельчайшихъ подробностей во власть какихъ-либо правилъ и предписаній, а лишь потому, что вѣрують, что на монастыряхъ: починаетъ особое благодословеніе Божіе, также потому, что знаютъ, что въ міру тяжело спастись, и, наконецъ, потому, что не рѣшаются обрѣчь себя на одинокій, уединенный подвигъ, вдали отъ людей. Но есть и такіе.

Е. Долганевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
